

Отец вздохнул, погладил его по затылку и тихо молвил:

— Шестой брат, впредь тебе предстоит нести великую ношу, нельзя больше быть таким своевольным и необдуманным, как прежде. Во всём... больше слушай матушку — не ошибёшься. Государем за один день не становятся. Я и сам, начиная с юных лет, по крупицам учился. Сюаньюань-император изрёк: «Управление великой державой подобно приготовлению мелкой рыбы». Страна наша восстала из хаоса и смуты, повсюду разруха, всё требует восстановления. От Гаоцзу до Нас, три поколения трудились не покладая рук, дабы достичь нынешнего положения. Ты же не смей торопиться и лезть напролом, растрачивая попусту методы взращивания и отдыха, завещанные предками. Надлежит беречь силы народа, управлять страной и вершить дела неспешно и обдуманно.

Слова эти слишком откровенно отдавали завещанием. Ли Жуй тут же бросился на пол, ухватился за руку отца и, заливаясь слезами, воскликнул:

— Человеку положен век в сто лет, а отцу и половины не прошло! Время ухода ещё далеко! Умоляю, отец, не изрекайте таких недобрых слов!

Я тоже прильнула к руке отца, и слёзы закапали у меня из глаз.

Отец обнял нас обоих, тяжело вздохнул и сказал:

— Все жаждут прожить сто лет, но посмотрите — много ли таких на свете? Жизнь и смерть предопределены судьбой, никому не уйти. — Похлопал меня по голове. — С братом твоим ещё куда ни шло, а вот ты, Сыцзы... Матушка говорила, твоя болезнь сердца в будущем, возможно, помешает рождению детей?

Я об этом уже давно догадывалась. В наше-то время беременность и роды сами по себе — испытание нелёгкое, а уж для таких, как я, с болезнью сердца, даже без всех этих последних месяцев, вряд ли бы всё прошло гладко. Матушка и раньше об этом тревожилась, но вслух не говорила. Теперь же, когда у меня в день свадьбы приступ случился, даже отец забеспокоился и, не стесняясь, при Ли Жуе и при мне об этом заговорил.

Ли Жуй переменялся в лице, резко взглянул на меня:

— Сыцзы?!

Отец сжал его руку, словно успокаивая, и посмотрел на меня:

— Всякому человеку в мире надлежит оставить потомство. Ты хоть и принцесса, но от этого правила не уйти. Впредь... если супруг твой возьмёт наложницу и та родит, не ропщи. Забери ребёнка, мать же устрани, воспитывай его с любовью — и он, возможно, не хуже родного сына будет. Поняла?

Я сжала губы:

— Не могу рожать — и не надо. К чему чужих детей растить?

Отец с любовью погладил меня по шее и с горькой усмешкой промолвил:

— Поймёшь потом.

А взглянув на Ли Жуя, сделался вдруг строгим:

— Шестой брат, ты — наследный принц. Впредь... обязательно присматривай за сестрой как следует.

Ли Жуй тихо ответил:

— Отец, будьте спокойны, Сыцзы у меня одна сестра. Если у неё будут дети, я буду смотреть на них как на родных. Если же детей не будет... я... обязательно что-нибудь придумаю.

Отец слабо улыбнулся:

— Хорошо, что так думаешь.

Поговорив, он изрядно устал и слегка прикрыл глаза. Мы с Ли Жуюм поспешили поддержать его под руки, уложили на кровать и осторожно вышли. Едва переступили порог, как Ли Жуй ухватил меня за руку и торопливо спросил:

— Сыцзы, правда ли то, что отец сказал?

Я ответила:

— Сама не слышала, но сейчас, чуть что сделаю, — сердце ноет и дух пресекается. Думаю, вряд ли смогу вынести такую великую утечку сил.

Ли Жуй пошевелил губами, будто хотел утешить, но в итоге лишь крепко сжал мою руку:

— Не тревожься. Старший брат обязательно о тебе позаботится, ни в чём тебя не обидит. Я сейчас же найду твоего супруга и всё ему растолкую.

Я смотрела на него, и почему-то вспомнилась мне та записка, что прислал второй брат. Ухватила его за руку, не давая уйти:

— Старший брат, не спеши его искать. Отец с матушкой уже велели построить для меня дом в квартале Аньдао. Впредь мы будем жить отдельно, без докучливых родственников, а все слуги будут из дворцовых. Стоит ветру подуть да траве зашелестеть — брат сразу же узнает, не беспокойся.

Ли Жуй даже не знал об этом и обрадовался:

— Квартал Аньдао совсем рядом с моим Восточным дворцом! Если поселишься там — лучше и не придумаешь. Если впредь кто посмеет тебя обидеть, прямо скажи мне. Если же дело девичье, приватное, и со мной говорить неудобно — скажи своей старшей невестке, всё равно.

Едва он упомянул Вэй Хуань, как сердце моё слегка сжалось. Я опустила голову:

— Само собой.

А когда он уже собрался уходить, снова окликнула:

— Старший брат, зачем ты упомянул четвёртого брата?

На лице Ли Жуюа мелькнула какая-то неловкая усмешка:

— Четвёртый брат — тоже наш брат по отцу. Пусть и не так близок, как второй, но смотреть на него как на простого человека нельзя. Если проявлять милость — то ко всем одинаково.

Я нахмурилась:

— Отец только что велел тебе во всём больше слушаться матушки. Прежде чем что-либо предпринимать, лучше сначала у неё спроси.

Ли Жуй ответил:

— Ты в государственные дела не вмешивайся, лучше о здоровье поберегись.

Зная его характер, я больше не стала говорить, лишь поклонилась и вернулась в чертог Линци.

Немного отдохнув, увидела, что навстречу идёт Вэй Хуань. На ней был уже лёгкий макияж и платье из фиолетового шёлка, а сзади несколько человек несли коробки с едой и ещё какие-то ларцы.

Когда коробки открыли, первым делом я увидела блюдо с лепёшками ху — они и так были изящно сделаны, да ещё и разрезаны на четвертинки, каждая размером с один укус. Внутри лежали тончайшие полоски мяса, белые и нежные, явно лишь посоленные, без иных приправ. К счастью, рядом с мясом лежали тонко нарезанные огурцы, отчего блюдо смотрелось не таким унылым. Лепёшки были поджарены без бараньего жира, сухие и хрустящие, а сверху обильно посыпаны кунжутом — тоже поджаренным, ароматным и хрустящим, от одного запаха слюнки текли.

С утра я почти ничего не ела, и при виде этих лепёшек живот мой заурчал. Вэй Хуань велела открыть другие коробки: в одной оказалась пиала мясного пюре, тушённого с яйцом. Мясо было нарезано мелко-мелко, огонь подобран в самый раз, и всё вместе превратилось в густой, вязкий суп.

Кроме того, было ещё с десятков мелких блюд, все очень лёгкие, в основном из овощей — овощи из теплиц поставлялись в первую очередь Императору и Императрице, и то, что Вэй Хуань сумела раздобыть их в такое время, было делом непростым.

Увидев эти овощи, я вдруг опять загрустила и мрачно промолвила:

— Матушка уже велела Шаншань выделить для меня отдельную кухню. Захочу чего поесть — позову служанок. К чему старшей невестке самой заниматься такими низкими делами?

Вэй Хуань спокойно ответила:

— Забота о столе для семьи — изначально входит в обязанности женщины. Тем более Эрнянь сейчас нездорова, и к её питанию следует относиться с особым вниманием. Присматривать за твоей едой — моя прямая обязанность, что уж тут низкого?

С этими словами она взяла палочки, положила мне кушанье и поднесла ко рту.

Я посмотрела на неё, открыла рот и приняла еду, но, пережёвывая, не ощутила никакого вкуса. С трудом проглотив, увидела, что она уже приготовила следующую порцию. Так повторилось несколько раз, и в конце концов я опустила голову:

— Сыта.

Она взглянула на стол, взяла маленький кусочек лепёшки и мягко сказала:

— Съешь ещё один.

И поднесла лепёшку к моим губам. Видя, что я не открываю рот, она коснулась рукой моей щеки и тихо добавила:

— Хотя бы ради... твоего брата, тебе следует поправлять здоровье, чтобы... мы не волновались.

Я ненавидела её за эту нежность. Скрепя сердце я открыла рот, взяла лепёшку и принялась усердно жевать, чувствуя, как глаза наполняются кислятиной. Запрокинула голову, сдерживая слёзы, и, доев кусочек, прямо рукой схватила оставшиеся лепёшки, взяла пиалу и втиснула в рот и суп, и лепёшки разом:

— Ну что, старшая невестка, теперь довольна?

Ела я слишком поспешно, и еда застряла в горле. Не желая, чтобы она это видела, я изо всех сил пыталась протолкнуть её вниз, но тело моё оказалось слишком изнеженным — даже такая малость никак не хотела проходить. Служанки переполошились, несколько человек бросились ко мне: кто-то нёс воду, кто-то похлопывал по спине, но всё было тщетно. В конце концов подошла Вэй Хуань и принялась сильно колотить меня по спине — с такой силой, что казалось, все внутренности вот-вот разлетятся. Еда вылетела обратно, а слёзы брызнули из глаз. На кровати оставаться было нельзя, нужно было переодеться. Несколько служанок подхватили меня и повели за ширму, но Вэй Хуань остановила их:

— Я сама.

Подобное рвение было уже слишком. Служанки с изумлением посмотрели на неё, затем разом перевели взгляд на меня.

Я понимала: она пытается такой покорностью загладить свою вину, чтобы я не мучила себя. Притворяется, будто так заботится, но сколько я на самом деле для неё значу — ведомо лишь ей самой. Однако я больше не позволю себя обмануть. Даже если за этой ширмой она станет на колени и будет умолять — я не уступлю.

Я высоко задрала подбородок и с видом надменной и своевольной принцессы приняла вызов:

— Тогда утруждаю старшую невестку.

Авторское примечание:

Сценка:

Тайпин:

— Знала бы я раньше — почаще бы с тобой дралась.

Вэй Хуань:

— Ты бы меня одолела?

Тайпин:

— Нет, я имела в виду... «драться».

Вэй Хуань: ...

<http://bllate.org/book/16278/1466868>